

ТОЛСТОЙ не был «фронтным» писателем, не носил формы, не имел оружия, да и по возрасту он был «белобилетчиком». Воинское звание — гвардии почетный боец 1-й стрелковой роты, 1-го стрелкового батальона 98-го гвардейского полка — было присвоено Толстому приказом командира 30-й гвардейской стрелковой Рижской дивизии уже в конце 1944 года по ходатайству личного состава дивизии как признание заслуг писателя в войне. Но и не будучи официально военным корреспондентом, Алексей Николаевич периодически выезжал на фронт. Летом 1942 года — под Калугу, год спустя — под Смоленск, в подразделения воздушной армии, которой командовал один из его друзей Герой Советского Союза М. М. Громов. Тем же летом Толстой ездил на Северо-Кавказский фронт.

Военным, сопровождающим Толстого во фронтовой полосе, было очень трудно выполнять указания своего начальства — не подвергать писателя излишней опасности. Толстой, обычно ссылаясь на опыт военного корреспондента первой мировой войны, просил вести его на передний край, показывать ничейную зону, линию окопов противника. В один из таких приездов А. Н. Толстого на фронт произошел даже забавный эпизод, впрочем, кончившийся для фашистов совсем не комично. Алексей Николаевич все сетовал, что не видел действия гвардейских минометов — знаменитых «катюш». На Северо-Кавказском фронте командующий одной из армий сам отправился с Толстым на наблюдательный пункт, и по переднему краю расположения фашистских войск «сыграли» гвардейские минометы. Конкретно

Юрий
КРЕСТИНСКИЙ

Всем, хорошо знакомым с творчеством замечательного советского писателя Алексея Николаевича Толстого, памятна его многогранная творческая деятельность в годы Великой Отечественной войны. Это — почти с первых же дней военных действий — яркая публицистика, поныне остающаяся незабываемым документом той эпохи, знаменитые «Рассказы Ивана Сударева». Менее известна широкому читателю общественная деятельность А. Н. Толстого в эту пору, его неразрывная связь с действующей армией, во многом питавшая его творчество.

Предлагаемые АПН вниманию читателей заметки об А. Н. Толстом в дни Великой Отечественной войны написаны Юрием Крестинским, бывшим секретарем писателя.

Полностью воспоминания будут опубликованы в сборнике «Литература великого подвига. Великая Отечественная война в литературе», выходящем в издательстве «Художественная литература».

намеченной цели не было. Как говорилось тогда, «беспокоящий противника» залп был дан главным образом в честь писателя, а оказался весьма эффективным.

Два дня спустя захваченный «язык» рассказал, что «катюши» накрыли генерала, инспектировавшего передовые позиции. Пленный фашист изумлялся осведомленности советских разведчиков. В этом его не разубеждали, но генерала вермахта, закончившего свою карьеру на русской земле, записали на счет Толстого. Кстати, многие снайперы половину своих удачных выстрелов записывали на счет писателя, исправно извещая его об этом в письмах.

Гораздо более тяжелыми, чем фронтовые, не столько в физическом, сколько в моральном отношении, были поездки по делам «Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР».

Чтобы представить, что приходилось видеть писателю во время поездок по освобожденным Красной Армией районам для собирания вещественных доказательств и свидетельских показаний, напомним несколько строк из статьи Толстого «Коричневый дурман» (1943 год). «Я верю, что еще немало людей, живущих вдали от войны, с трудом и даже с недоверием представляют себе противотанковые рвы, где под насыпанной землей — на полметра в глубину, на сто метров протяжением — лежат почтенные граждане, старухи, профессора, красноармейцы вместе с костылями, школьники, молодые девушки, женщины, прижимающие истлевшими руками младенцев, у которых медицинская экспертиза обнаружилась во рту земля, так как они были закопаны живыми».

Подобного рода картины Алексей Николаевич встретил и на Северном Кавказе — в Ставрополе, Минеральных Водах, Пятигорске, Железноводке, Ессентуках, Георгиевской, Нальчике, Краснодаре; через несколько месяцев под Харьковом и

Курском, а в январе 1944 года в Катинском лесу под Смоленском.

Впечатлительный, способный глубоко проникать в психологию людей, по-писательски «примеряющий» на себе человеческие переживания, Алексей Николаевич морально страдал в этих поездках и держался только волевым напряжением, сознанием долга и все возрастающей ненавистью к нацизму.

Последняя поездка Алексея Николаевича была в мае 1944 года в Ленинград и его пригороды. Хорошо знакомые писателю места были теперь неузнаваемы. В Петергофе — груды щебня на месте знаменитых фонтанов и пни спиленных вековых деревьев. В Пушкине — пропахшие гарью залы Екатерининского дворца и дождь, моросящий через почерневшие стропила на остатки бесценной лепки и росписи.

Ежедневные поездки в пригороды, составление актов, переговоры с руководителями Ленинградской области о мерах по спасению памятников культуры, встречи с военными, архитекторами, писателями — дел было много. Среди всех этих хлопот писателя не оставляли мысли о третьей книге романа «Петр I», три главы которой были закончены до поездки в Ленинград. Вынужденный перерыв в творческой работе тяготил писателя. Он старался и в поездке собирать материал для будущих глав.

В Кронштадте надо было осмотреть пострадавший от бомбардировок собор, но ор-

ганизаторы поездок всячески отговаривали от посещения крепости, ссылаясь на опасность плавания по заливу. Помню, что вначале меня несколько удивила настойчивость Алексея Николаевича в этих переговорах, потом все прояснилось. В Кронштадт его влекли те же мысли о Петре.

Пошли туда ранним утром на специальном деревянном катере, не притягивающем магнитные мины, которые противник сбрасывал по ночам с воздуха. Время отхода знали только несколько человек. До Кронштадта дошли без приключений. Алексей Николаевич, очень довольный состоявшейся поездкой, шутиво подтрунивал над ее организаторами за осторожность.

Пострадавший собор привлекал меньше внимания Толстого, чем Толбухинская коса. При Петре она называлась Котлинской. Здесь Федот Толбухин со своим полком отбил нападение шведов на строящийся Кроншлот. Этот эпизод героизма и сметливости русских людей Толстой собирался показать в романе. Пейзаж был сейчас перед ним. Земля узкой песчаной полосой уходила в море и таяла вдали. На горизонте виднелся невысокий лесистый берег Териок, где еще держался противник. Рядом с нами, у огромных орудий, среди стали и бетона, шла будничная работа моряков-кронштадтцев, отбивших в тяжелые годы блокады не один приступ врага. А двести сорок лет тому назад здесь, в песке, лежали солдаты Толбухина, под ураганным огнем шведских ко-

раблей ожидали высадки десанта и, подпустив врагов вплотную, разбили наголову. На этом берегу особенно остро сопоставлялось прошлое с настоящим.

Стоя на весеннем, свежем морском ветру, Алексей Николаевич долго всматривался в окружающий ландшафт, возможно, видя уже на его фоне усадеб солдат Толбухина, скусывающих патрон перед решительной схваткой.

После встречи с моряками поздним вечером вернулись в Ленинград, а через несколько дней вылетели в Москву. Кто из провожавших Толстого мог тогда подумать, что эта его поездка станет последней, а встреча с любимым городом, израненным войной, окажется пророческой?

Летом 1944 года Алексей Николаевич осмотрел консилиум из крупнейших врачей-специалистов. Постановленный ими диагноз — «рак легкого, операция невозможна», — равносильный смертному приговору, от больного скрыли. Трудно сказать, поверил ли он врачебной легенде о воспалении легких. Во всяком случае, превозмогая физическое угасание, Алексей Николаевич работал над третьей книгой «Петра I» так, как будто стремился выиграть каждый час времени, чтобы успеть довести роман до конца.

Последние полгода Толстой не мог заниматься так же активно, как раньше, делами Чрезвычайной комиссии, Союза писателей, руководить русской секцией Всесоюзного комитета и литературной секцией ВОКСа,

принимать участие в работе ряда редакционных коллегий, куда он входил как академик. Как это ни грустно звучит, болезнь освободила писателя от многих заседаний, дав возможность все время отдать работе над романом. Но силы оставляли Толстого, и 23 февраля 1945 года он скончался. Это было в тот час, когда раздавался салют в честь Красной Армии.

На шестой главе оборвалась третья книга о Петре I. Неосуществленным остался замысел эпопеи о Великой Отечественной войне советского народа, материал для которой писатель собирал почти два года и даже продумывал варианты заглавия.

Духовным завещанием для писателей многих поколений звучат слова Толстого:

«Наш народ и весь мир смотрят на нас, советских писателей, с нетерпеливым ожиданием. Слово за вами, романисты, поэты и драматурги. Не отображения, не показа ждут от нас, а осмысления происшедшего и происходящего и творческого взгляда в будущее. Ждут, чтобы мы шли на шаг вперед сегодняшнего дня. Ждут от нас взрывов творческой прозорливой фантазии, столь же гениальной, как гениальна, глубока и светла душа народа-победителя. Ждут не черточек, не бликов, не намеков, а всего целиком нового Адама, сотворенного духом искусства».

На сотни лет эта война останется отправной точкой для всех искусств — от эпопеи и трагедии до лирических стансов».